Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (27), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-110-138
https://elibrary.ru/LEREZV

© 2024. Татьяна Касаткина
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

«Мы с ним Пушкина читали, всего прочли»: Пушкин издания Анненкова в романе «Идиот»

© 2024. Tatiana A. Kasatkina
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

“We Read Pushkin Together, We Read it All”: Annenkov’s Edition of Pushkin’s Works in the Novel *The Idiot*

Информация об авторе: Татьяна Александровна Касаткина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, зав. научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

https://orcid.org/0000-0002-0875-067X

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Благодарности: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № 23-28-00258 «Роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского “Идиот”» (https://rscf.ru/project/23-28-00258/).

Аннотация: В работе рассмотрены смыслы и цели присутствия в романе «Идиот» собрания сочинений Пушкина издания Анненкова, чье физическое, вещное присутствие описано автором в этом произведении настойчиво и акцентированно. Рассмотрена идея Достоевского о продолжающемся присутствии ушедшего человека в составе человечества в том случае, если он оставил по себе великую историю жизни и/или великие книги, как о первом — очевидном и базовом — уровне бессмертия. Рассмотрено понимание книг как нового тела ушедшего. Рассматривается совпадение авторских теорий творчества Пушкина и Достоевского и вплетение первого, биографического, тома в ткань романа. Обсуждается смысл воспроизведения князем «собственного почерка» игумена Пафнутия. Показывается несколько очевидных неопознанных прежде аллюзий высказываний героев на пушкинские тексты. Поясняется характер публикации «Рыцаря бедного» в анненковском издании Пушкина.

Ключевые слова: книга в книге, Достоевский, «Идиот», Пушкин, Анненков, собрание сочинений как новое тело автора, «Жил на свете рыцарь бедный...», «Чертог сиял, гремели хором...».

Для цитирования: *Касаткина Т.А.* «Мы с ним Пушкина читали, всего прочли»: Пушкин издания Анненкова в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 110–138. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-110-138

Information about the autor: Tatiana A. Kasatkina, DSc in Philology, Director of Research, Head of the Research Centre “Dostoevsky and World Culture,” A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-0875-067X

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00258 “The Role and the Image of Books in F.M. Dostoevsky’s Novel *The Idiot*” (https://rscf.ru/project/23-28-00258/).

Abstract: The article examines the significance and purposes of the presence in the novel *The Idiot* of the Annenkov edition of Pushkin’s collected works. Pushkin’s physical and material presence is described by the novelist in a persistent and emphasized manner. The article addresses Dostoevsky’s notion of the enduring presence of a departed individual in the structure of humanity if he or she has left behind a remarkable life story and/or significant books as the primary (obvious and basic) level of immortality. The concept of books as a new body for the deceased is considered. The alignment of Pushkin’s and Dostoevsky’s authorial theories of work as well as how the first, biographical volume of Pushkin’s works is woven into the fabric of the novel is examined. The meaning of prince Myshkin’s reproduction of Igumen Pafnuty’s “own handwriting” is discussed. Additionally, the article reveals several previously unrecognized allusions to Pushkin’s texts in the characters’ statements. The nature of the publication of Pushkin’s poem “The Poor Knight” in Annenkov’s edition is explained.

Keywords: book in the book, Dostoevsky, *The Idiot*, Pushkin, Annenkov, Collected works as a new body for the author, “Once lived a poor knight...”, “The hall shone, the chorus roared...”.

For citation: Kasatkina, T.A. “‘We Read Pushkin Together, We Read it All’: Annenkov’s Edition of Pushkin’s Works in the Novel *The Idiot*.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (27), 2024, pp. 110–138. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-110-138

У исследователей русской литературы XIX века (а в еще большей степени — исследователей XX века, берущихся рассказывать о литературе XIX века), как кажется по периодически задаваемым вопросам «а мог ли это знать Достоевский?», невероятно бедное

представление о многообразии как изданий XIX века, так и освещавшихся там тем — и о качестве их освещения. При этом многими почему-то до сих пор не принимается во внимание, что Достоевскому, с его беспрецедентной широтой, остротой и интенсивностью интересов в области прежде всего религии, философии и истории (но также и естественных наук, философски осмысляемых, — и при этом еще — с лучшим инженерно-техническим образованием, которое можно было получить в то время)[1], были равно доступны книги на русском и французском, на церковнославянском — а плюс к тому еще и на немецком, и на латинском языках (видимо, в этом искажении читательского восприятия сказывается удавшаяся в определенный момент попытка социально приблизить писателя к советскому человеку, представив его униженным и оскорбленным, дурно одетым каторжником, который, конечно же, не мог иметь хорошего образования). Поэтому нередко приходится слышать: «А откуда он мог это знать? Вы в своих рассуждениях ориентируетесь на уровень современной культурологии, а он этого знать не мог».

Безусловно, вопрос: «Откуда он мог знать?» — более чем правомерен. Если задается в правильной перспективе. Я считаю (и уже писала об этом), что методологически верно, во всяком случае, в ситуации Достоевского, характеризующейся утратой его огромной библиотеки, лишь частично восстановленной в описании [Библиотека Ф.М. Достоевского, 2005], по дефолту считать, что если какие-то

[1] Напомню, на всякий случай, строки из письма Достоевского к брату Михаилу сразу по выходе из каторги, в письме от 30 января–22 февраля 1854: «Если можешь, пришли мне журналы на этот год, хоть “Отечеств<енных> записок”. Но вот что необходимо: мне надо (крайне нужно) историков древних (во французск<ом> переводе) и новых [в примечании под строкой: Vico, Гизо, Тьери, Тьера, Ранке, и т.д. и т.д.], экономистов и отцов Церкви. Выбирай дешевейшие и компактные издания. ***Пришли немедленно***» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 171]. И в том же письме еще раз, через страницу: «Не забудь же меня книгами, любезный друг. Главное: историков, экономистов, “Отечеств<енные> записки”, отцов Церкви и историю Церкви» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 173].

И опять, в письме от 27 марта: «А теперь попрошу у тебя книг. Пришли мне, брат. Журналов не надо; а пришли мне европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности всех древних (Геродота, Фукидита, Тацита, Плиния, Флавия, Плутарха и Диодора и т. д. Они все переведены по-французски). Наконец, Коран и немецкий лексикон. Конечно, не всё вдруг, а что только можешь. Пришли мне тоже физику Писарева и какую-нибудь физиологию (хоть на французском, если на русском дорого). Издания выбирай дешевейшие и компактные. Не всё вдруг, помаленьку. Я и за малое поклонюсь тебе. Пойми, как нужна мне эта духовная пища!» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 179]. В цитатах здесь и далее: полужирный шрифт — выделено цитируемым автором; курсив и полужирный курсив — выделено мной. — *Т.К.*

тексты радикально проясняют произведения писателя, он их знал, если какие-то факты указывают на присутствие в подкладке образа определенной исторической фигуры — он о ней знал. Дальше можно пытаться установить конкретные источники, которыми он пользовался, но это предмет отдельного исследования. Если мы рассуждаем противоположным образом (если не знаем, откуда знал, значит не знал) случается немало конфузных историй. Одна из самых конфузных, на мой взгляд, — самые странные предположения некоторых авторов, писавших о романе «Идиот», откуда бы Достоевский мог знать о Франциске Ассизском (по непонятной мне причине они были убеждены, что Франциск становится широко известен в России лишь на рубеже XIX–XX веков: из-за этой убежденности я не буду называть авторов статей, поскольку еще совсем недавно эта убежденность была едва ли не консенсусом, и не только в пределах науки о Достоевском), в то время как Франциск — не только фигура, присутствующая в упомянутых в романе европейских «Историях», которые могли быть для исследователей не слишком доступны — но и фигурант «Жизни Иисуса» Ренана, о функции которой в романе эти исследователи говорили в тех же самых статьях.

Кроме того, современная культурология в целом ряде тем — это зачастую сокращенное и упрощенное изложение и повторение работ XIX века (только с привнесенной «новой» идеологией). Я это особенно ясно увидела (и подтвердила свою давнюю интуицию), когда отвечала на очередной вопрос коллег из серии: «а откуда Достоевский мог знать», по поводу катаров и их ритуалов[2]. Я даже

---

2 Этот вопрос задавался в связи с моей статьей «“Un chevalier parfait!” О соотношении христианской и гностической философии в творчестве Достоевского», опубликованной в «Новом мире» [Касаткина, 2022]. Заметим кстати, что эта французская фраза на русский обычно переводится как «совершенный рыцарь» — но во французском слове гораздо явственнее (чем в слове «рыцарь», этимологически значащем то же) звучит «совершенный конный / совершенный всадник», что проливает дополнительный свет на изобильное присутствие лошадей в именах и фамилиях героев, а также присутствующих физически, запряженных в экипажи в романе «Идиот». «Совершенным конным» в «Братьях Карамазовых» назван старец Зосима — и это эмблематическое описание духа, полностью и в совершенстве овладевшего и управляющего конем-телом. Настолько, что даже после смерти может заставить его «провонять, предупредив естество». Николай Подосокорский в статье в этом же номере журнала, посвященной «Истории» Карамзина [Подосокорский, 2024], напоминает карамзинскую этимологию слова «князь»: оно произошло от слова «конь» — и в самом начале романа «Идиот» у нас, таким образом, тоже появляются двое «конных» — князь Мышкин и «тоже в своем роде княжна» и «не тебе чета — княгиня» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 11] Настасья Филипповна Барашкова. Внутренняя форма слова «князь» актуализируется в фамилии самой часто упоминаемой княгини

не буду говорить о французских изданиях XIX века (от популярных романов до исторических исследований), но и вышедший в 1869–1872 годах в Казани труд Николая Алексеевича Осокина «История альбигойцев и их времени» (см.: [Осокин, 2000]) содержит гораздо более внятное и обширное описание ритуалов катаров, чем книга, например, Ричарда Смоули «Гностики, катары, масоны, или Запретная вера» (см.: [Смоули, 2008]), из которой, с большой вероятностью, черпают свои сведения о катарах современные исследователи русской литературы.

Но дело не в том, что мы слишком мало изучаем и представляем себе общий фон книжной и журнальной культуры XIX века — вплоть до того, что иногда вопросы: «А мог ли такое знать Достоевский?» — задаются по поводу книг рецензированных или событий освещенных непосредственно в редактируемых и издаваемых им журналах. В конце концов, это каждый раз решается (впрочем, я, наверное, излишне оптимистична — вернее сказать: может быть решено) точечным исследованием — и постепенно картина будет выстраиваться.

Дело в том, что среди исследований последних десятилетий, например, романа «Идиот», в названии которых упоминается еще какая-то книга, гораздо большее количество посвящено книгам, ***не упомянутым в романе***, притянутым к роману вольной ассоциацией, возникшей в голове исследователя и определяющейся исключительно ***его***, исследователя, кругом чтения, а гораздо меньшее — книгам, в романе упомянутым, то есть прямо включенным автором в текст для создания ассоциативных рядов, должных возникать у читателя.

И если такая опора на вольные ассоциации довольно естественна для интерпретаторов, переводящих произведения Достоевского на языки других видов искусства, то есть для театральных и кинорежиссеров, для художников, создающих серии картин на основе произведений Достоевского (и которые не анализируют тексты Достоевского — но анализируют окружающую их реальность при помощи уж как понятых, так понятых ими текстов Достоевского) — то оно совершенно нетерпимо в области исследований — если это именно исследования. Почему нетерпимо? Потому что исследовательское поле бесконечно захламляется текстами, у которых ***нет***

романа — Белоконской. Ну и эта актуализированная внутренняя форма дополнительно сближает приехавшего в Петербург без средств *князя* Мышкина с *рыцарем* бедным.

никаких исследовательских задач, кроме демонстрации внутреннего мира исследователя. И это становится среднестатистической нормой, на которую ориентируются молодые исследователи — которым, в случае таких их предпочтений, лучше было бы сразу перейти в категорию перелагателей текстов Достоевского другими видами искусств.

Насколько в самых серьезных изданиях «Идиота» игнорируются присутствующие в романе волей автора книги, наглядно показывает история с поиском прототипа для фамилии «Павлищев»: даже новое Полное собрание сочинений Пушкинского дома опирается в своих комментариях только на статью Ганны Львовны Боград «Пушкинская тема и павловские знакомства Достоевского (по роману “Идиот”)» [Боград, 1995]. Из чего довольно явственно следует, что комментаторы нового собрания сочинений так и не раскрыли, по крайней мере, первый том Пушкина издания Анненкова, хотя теперь оно стало гораздо доступнее[3].

Вот комментарий, ***сопоставляющий*** (если можно так выразиться, глядя на сравнение этих произведений по столь поверхностным параметрам) роман «Идиот» с «Униженными и оскорбленными»: «Если главную героиню первого из двух романов Достоевский назвал по имени и отчеству жены Пушкина (“Наталья Николаевна”), то во втором он сделал воспитателем князя человека с фамилией сестры поэта, с которой ему довелось общаться в Павловске (“Павлищев”)» [Достоевский, 2013–, т. 9, с. 461]. И в разных вариантах комментарий, указывающий на то, что Достоевский вводит в текст фамилию, известную ему из событий его жизни, повторяется несколько раз на протяжении девятого тома.

Между тем, стоит только открыть первый том анненковского издания[4] — и на первой же странице мы увидим фамилию «Павли-

[3] Я это пишу не с целью как-то опорочить прекрасных исследователей, работающих над проектом в сложных условиях и делающих в этих условиях многое важное — а с целью показать, насколько прямо обозначенное, акцентированное и даже вещное присутствие книги в книге все еще не ощущается даже серьезными и ответственными комментаторами как требование непременно эту книгу хотя бы раскрыть.

[4] Напомню сцену, в которой Пушкин издания Анненкова появляется в романе: «— Что это? — обратилась Лизавета Прокофьевна к Вере, дочери Лебедева, которая стояла пред ней с несколькими книгами в руках, большого формата, превосходно переплетенными и почти новыми. — Пушкин, — сказала Вера. — Наш Пушкин. Папаша велел мне вам поднести. — Как так? Как это можно? — удивилась Лизавета Прокофьевна. — Не в подарок, не в подарок! Не посмел бы! — выскочил из-за плеча дочери Лебедев. — За свою цену-с. Это собственный, семейный, фамильный наш

щев», поскольку Павлищев был одним из трех человек, сообщивших свои воспоминания, на основании которых и был создан этот первый том. В первом примечании на первой странице читаем: «При самомъ началѣ труда нашего покойный Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, Н.И. Павлищевъ и покойный Павелъ Александровичъ Катенинъ, составили для настоящаго изданія, и по нашей просьбѣ, три записки: первый о жизни поэта до пріѣзда его въ Москву въ 1826 г., второй о дѣтствѣ Пушкина (со словъ родной сестры его О.С. Павлищевой), третій вообще о своемъ знакомствѣ съ нимъ. Записки эти, писанныя собственной рукой авторовъ, находятся у составителя матеріаловъ и многочисленные отрывки изъ нихъ приведены имъ въ текстѣ» [Пушкинъ, 1855–1857, т. 1, с. 1].

На первый взгляд, можно сказать: какая разница, все равно ведь исследователи обнаружили — а комментаторы предъявили читателям — связь этой фамилии с фамилией зятя Пушкина. Но ***есть огромная разница*** между связью, которая восстанавливается из неизвестных — и не предполагаемых автором известными — читателям частных (и, может быть, для автора незначительных — поскольку всеобъемлющую любовь, которую автор испытывает к Пушкину, он не переносит по дефолту на всех его родственников) подробностей его жизни, — и связью, которая предполагается автором известной всякому, кто внимательно читает его роман, не пренебрегая авторскими указаниями. Ну и при этом образован хотя бы в размерах Рогожина, к которому, как все помнят, и относится фраза, вынесенная в заглавие данной работы.

Кроме того, биографический комментарий заведомо сдвигает внимание читателя с текста на сторонние тексту сообщения, рассы-

Пушкин, издание Анненкова, которое теперь и найти нельзя, — за свою цену-с. Подношу с благоговением, желая продать и тем утолить благородное нетерпение благороднейших литературных чувств вашего превосходительства. — А, продаешь, так и спасибо. Своего не потеряешь небось; только не кривляйся, пожалуйста, батюшка. Слышала я о тебе, ты, говорят, преначитанный, когда-нибудь потолкуем; сам, что ли, снесешь ко мне? — С благоговением и... почтительностью! — кривлялся необыкновенно довольный Лебедев, выхватывая книги у дочери. — Ну, мне только не растеряй, снеси, хоть и без почтительности, но только с уговором, — прибавила она, пристально его оглядывая; — до порога только и допущу, а принять сегодня тебя не намерена. Дочь Веру присылай хоть сейчас, мне она очень нравится» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 212]. Заметим, что если почтительность здесь относится к генеральше Епанчиной, то благоговение — к Пушкину, что понимает вполне и генеральша Епанчина, отказывающаяся от почтительности, как того, что предложено ей, но ни слова не говорящей о благоговении, поскольку оно не на нее обращено.

пая созданный автором образ, создавая впечатление, что созданное писателем может быть объяснено тем жизненным «сором», из которого этот образ, возможно, вырос, но вовсе не для демонстрации которого он выращивался. У читателя создается иллюзия понимания как раз в тот момент, когда комментатор его радикально уводит от понимания, предлагая ему вместо ***понимания*** – ***знание*** вещей, тексту посторонних, в то время как понимание достигается только видением связей между ***элементами текста***. Акцентирование же дополнительного внимания на собрании сочинений Пушкина, присутствующего в романе в том числе как материальный объект, наоборот сосредоточит внимание читателя на этих связях: как очевидных, так и неочевидных, но легко восстанавливаемых при знании очевидных.

В собрании сочинений Анненкова Павлищев, вместе с двумя еще авторами записок, присутствует, в видении Достоевского, как ***восстановитель*** Пушкина для жизни в пространстве насущного видимо-текущего после физической смерти. Напомню, что в ходе размышлений о том, бессмертен ли человек, в записи «Маша лежит на столе...», которая лежит в основе главной идеи романа «Идиот», Достоевский говорит и о том, что частью своей натуры развиватели человечества входят в других людей душой – и плотью: «Мы наглядно видим, что память великих развивателей человека живет между людьми (равно как и злодеев развития), и даже для человека величайшее счастье походить на них. Значит, часть этих натур входит ***и плотью и одушевленно*** в других людей» [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 174]. Вот это «плотское» присутствие ушедшего человека в жизни человечества на самом внешнем уровне – и есть присутствие в виде книг, особенно – собраний сочинений, в которых собирается и восстанавливается по воспоминаниям и документам самая личность ушедшего. Это звучит отчасти по-федоровски[5] – но Н.Ф. Федоров, полагаю, был не слишком оригинален в восприятии

[5] И это показывает, что философию Федорова вряд ли можно назвать «странной, *ни с чем не сравнимой*» [Смирнова, 2022, с. 180], она, судя по всему, была гораздо ближе к общепринятым взглядам людей XIX века, чем нам сейчас представляется из-за нашей склонности значительную часть высказываний авторов того времени числить по разряду «метафор», и высказывание автора о федоровском проекте («В федоровском проекте Общего дела книга имеет потенциал преобразиться, став живой личностью автора. Книги и сами “живые существа”, даже и до тех пор, пока через них еще не воскрешен автор в своей телесности. Чтение и исследование служат делу воскрешения» [Смирнова, 2022, с. 180]) может быть в определенной степени релевантно для описания гораздо более широкого пространства той культуры.

книги как нового плотского бытия части личности после смерти — а лишь довел эту общую культуре того времени идею до nec plus ultra.

Собрание сочинений начинается ***лицом (портретом)*** Пушкина. И это важно для понимания романа — в таком ретроспективном освещении появление Настасьи Филипповны в начале романа прежде всего в словах других героев и на портрете прямо соотносит ее бытие с ***инобытием*** автора книги, для которого книга становится ***новым телом***, указывает (сразу вслед за упомянутым ее полным именем, буквально значащим «воскресший Агнец» или «Воскресение Агнца») на ее (частичное в начале романа) существование уже за пределами здешней человеческой природы.

Название собрания сочинений в полном виде выглядит так: «Сочинения Пушкина с приложением ***материалов для его биографии***, ***портрета***, ***снимков с его почерка*** и с его рисунков, и проч.». Это как раз примерно все то, что потом, по Николаю Федоровичу Федорову, станет набором материалов, требуемых для воскрешения[6]. Что дополнительно разъясняет, почему в романе читают, дарят и имеют или не имеют в доме не книги — но «Пушкина»: «Да у нас, кажется, совсем нет Пушкина» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 210]; «Что это? — обратилась Лизавета Прокофьевна к Вере <…>, которая стояла пред ней с несколькими книгами в руках, большого формата, превосходно переплетенными и почти новыми. — ***Пушкин***, — сказала Вера. — ***Наш*** Пушкин» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 212]; и наконец: «Это ***собственный, семейный, фамильный наш*** Пушкин» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 212] — и в этих последних словах Лебедева прямо звучит идея вхождения ***развивателя*** человечества ***в корень*** каждого отдельного семейства, которому он не родня по роду, но становится родней и истоком по духу.

Заметим, что идея присутствия из посмертия посредством — с нашей точки зрения — воспроизведения почерка, а с иной точки

---

[6] «Музей есть выражение памяти общей для всех людей, как собора всех живущих, памяти, неотделимой от разума, воли и действия, памяти не о потере вещей, а об утрате лиц. Деятельность музея выражается в собирании и восстановлении, а не в хранении только» [Федоров, 1995, с. 383]. «Музей у Фёдорова — это, по существу, грандиознейшее предприятие собирания, хранения, изучения остатков прошлого, всех малейших отпечатков ушедших людей на их делах, вещах, документах, дневниках, преданиях, книгах, произведениях искусства… Речь идет о тотальной консервации памяти, причем в идеале — четко индивидуализированной» [Семёнова, 2004, с. 323].

зрения — «предоставления руки ушедшему» (медиумического письма[7]), вполне активна в масонской культуре XVIII–XIX веков, к которой Пушкин имеет самое непосредственное отношение. Что делает далеко не проходным моментом в романе демонстрацию князем Мышкиным почерков ушедших: на протяжении романа он будет ***раздавать себя живущим*** (в соответствии с идеей «Маша лежит на столе...»: «высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я, — это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно» [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 172]) — но начнется все с предоставления возможности явиться ушедшему игумену Пафнутию, который (я соглашаюсь здесь в определении конкретной личности с Бемом и его коллегами [Бем, 2007, с. 338], поскольку именно отсылка к этому прототипу имеет смысл в целом романа[8]), что весьма примечательно, до пострига носит имя

[7] «Выше я сказалъ, что есть еще рядъ явленій, для которыхъ принятый г-мъ Дассьэ критеріумъ индивидуальности — личное уравненіе медіума или присутствующихъ лицъ — не годится; это — писаніе почеркомъ неизвѣстнаго лица. Для подобныхъ явленій гипотеза втораго фактора, взятая даже въ самыхъ широкихъ размѣрахъ (вліяніе живущей на землѣ личности, гдѣ-бы то ни было находящейся), не подходитъ. ***Почеркъ есть отпечатокъ самой личности, своего рода фотографическій портретъ. Это документъ настолько вѣрный, что на его основаніи рѣшаются вопросы жизни и смерти. Поддѣлка разумѣется возможна; но и тутъ экспертиза умѣетъ различать между подлиннымъ почеркомъ и поддѣльнымъ***. Извѣстно, что есть пишущіе медіумы, изъ которыхъ нѣкоторые, не теряя сознанія, пишутъ совершенно безсознательно, такъ сказать механически, не имѣя понятія о томъ, что они пишутъ. Большею частію медіумы при этомъ удерживаютъ свой почеркъ; но у нѣкоторыхъ изъ нихъ почеркъ мѣняется, смотря по тому вліянію, подъ которомъ они находятся; причемъ одно и то же вліяніе постоянно выражается однимъ и тѣмъ-же почеркомъ. Этотъ фактъ уже самъ по себѣ достоинъ особеннаго вниманія, ибо если-бы это письмо было плодомъ безсознательной психической дѣятельности самого медіума, то оно и носило-бы постоянно характеръ его собственнаго почерка. Это вліяніе проявляется очень часто безъ всякой подготовки, вызова или желанія со стороны медіума, во всякую пору дня, и даже иногда навязывается ему насильственно. Не видавши этого процесса, не видавши самихъ почерковъ, трудно составить себѣ ясное понятіе объ этомъ явленіи. Для незнакомыхъ съ нимъ лично приведу показанія лица, которое съ крайнимъ скептицизмомъ относилось къ медіумическимъ фактамъ, а о спиритической гипотезѣ и слышать не хотѣло, покуда само не сдѣлалось насильственной жертвой медіумическаго письма» [Аксаков, 1884]. Заметим, что князь говорит: «я написал несколько фраз разными шрифтами, и между прочим “Игумен Пафнутий руку приложил” ***собственным почерком игумена Пафнутия***» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 46], что почему-то не вызывает особого изумления читателей, хотя — на фоне положения почерка и особенно подписи в культуре того времени, которое выражено в подчеркнутых мной строках текста Аксакова — должно было бы его вызвать.

[8] Кроме того, Пафнутий Боровский упоминается в «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина (и он — единственный игумен Пафнутий, упомянутый там

Парфений — то есть Парфен — и пространство и время романа здесь собирается в многомерную нелинейную конфигурацию: в самом начале князь демонстрацией почерка дает знать о присутствии в нем монаха Пафнутия[9] — бывшего Парфения, в которого, весьма возможно, и превратится Парфен Рогожин после отбытия каторги, на которую он идет уже очень изменившимся, «суровым, безмолвным и “задумчивым”» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 508], может быть, потому что получил от «раздавшего дух» в последней сцене романа князя личностный импульс Парфения-Пафнутия.

Есть и еще один важный смысл восприятия читателем имени *Павлищев* в контексте собрания сочинений, а не в биографическом контексте. Объяснение через биографический контекст практически нивелирует ***значение*** имени, попросту отсылая к конкретному знакомому и жизненной ситуации. Объяснение же через участие в собрании сочинений Пушкина в роли одного из его ***восстановителей***[10], наоборот, актуализирует символический уровень текста — и значение имени. Полагаю, это имя использовано Достоевским, пораженным его значением, выражающим самую суть его творческого метода — напомню, что «Павел» значит «малый» (от лат. paulus — «малый», «небольшой»), а суффикс «ищ» придает слову значение «огромного», «грандиозного»: бородища, жарища, чудовищность (я перечисляю слова, присутствующие в романе) и т.д. То есть здесь предельно лаконично выражена идея огромного в малом, «солнца», являющего себя «в малой капле вод»: ***непомерно огромного***, осуществляющего себя через ***самое малое***.

до конца XV века) в том же (шестом) томе, в котором упоминается неудачник-строитель храма Успения Богоматери Мышкин, тоже в примечаниях. И упоминается Пафнутий в связи со своей кончиной — как основатель обители Рождества Богоматери и успешный строитель Ее храма: «Мая в 1 день в 15 час дня преставися Игумен Пафнутий обители Рожества Богоматери на реце Поротве, близ града Боровска за 2 версты; сам же и состави обитель ту, пришед из монаст. Высокого из Боровска: преже бо тамо игуменил при Князе тамошняго отчича К. Василья Ярославича... и в обители Богоматери церковь воздвиже древяну, потом же камену, и подписал чудно вельми, и украси иконами и книгами, яко дивитися и Самодержцем Руския земли нашея» [Карамзин, 1998, с. 334].

[9] Заметим, что это единственный почерк среди воспроизводимых князем, у которого есть имя и биография, все остальные — анонимны, хотя и обладают *типологической* характерностью [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 29–30]

[10] Замечу, что такое восстановительное соединение жизнеописания Пушкина из рассказов ***троих*** свидетелей дополнительно актуализирует и имя лечившего князя Шнейдера (Schneider — «портной», тот кто сшивает и соединяет в целое и единое то, что было воспринято в разных аспектах, разными лицами).

Для нас важно, что этот принцип прямыми словами описан в первом томе и как теория творчества Пушкина, выработанная им самим и затем подкрепленная в его сознании статьями журнала «Московский вестник»: «Вѣроятно, еще многіе помнятъ усилія Московскаго Вѣстника ознакомить публику прямо съ Нѣмецкими теоріями Изящнаго, по-мимо толкованій и измѣненій Французскихъ критиковъ. Такія же попытки альманаха “Мнемозина” остались безъуспѣшны, особенно за туманность языка, еще необразованнаго тогда для логическихъ тонкостей и отвлеченій. Московскій Вѣстникъ открылъ другой путь: онъ обратилъ преимущественно вниманіе на осязательную сторону Нѣмецкихъ теорій, ихъ страстную любовь къ предмету и романтическое одушевленіе. Безъ всякой послѣдовательности и строгой системы, журналъ прилагал отрывки изъ Жанъ-Поля, Тика и Шеллинга. Правда, что отрывочность эту тогда же ставили въ упрекъ журналу, даже его приверженцы, какъ мы имѣли случай видѣть въ неизданной перепискѣ Туманскаго съ Пушкиным. Статьи сотрудниковъ переработывали только положенія Нѣмецкихъ писателей, облекая ихъ въ ту восторженную, и отчасти, сантиментальную Форму, которая составила цвѣтъ журнала и таину его вліянія на молодыхъ людей. Лирическій языкъ, какимъ писались эти, вообще короткія статьи, былъ, можетъ-статься, тогда способнѣе, чѣмъ всякое другое изложеніе — держать въ напряженіи пробуждающееся эстетическое чувство и порождать стремленіе къ изящному, въ чемъ и состояла цѣль журнала. Пушкинъ принялъ дѣятельное участіе въ судьбѣ его, посвятилъ ему много своихъ произведеній и какъ человѣкъ, понимавшій практическую сторону всякаго дѣла, расчитывалъ на 10 тысячь дохода за свое сотрудничество. Коммерческія его соображенія удались только въ половину, но важнѣе всего этого то обстоятельство, что изъ круга молодыхъ людей, содѣйствовавшихъ успѣху журнала, вынесъ онъ свой полный, установившійся взглядъ на художника и искусство. Тѣмъ быстрѣе усвоилъ онъ себѣ ихъ теорію творчества, что она только развила и дополнила собственное его пониманіе предмета, уже высказанное имъ въ извѣстномъ “Разговорѣ Книгопродавца съ Поэтомъ”, появившемся за три года до основанія журнала. Сущность теоріи состояла въ весьма строгомъ взглядѣ, какъ на призваніе художника, такъ и на ***задачу самаго искусства***. ***Послѣднее опредѣляла она проявленіемъ*** **безконечнаго** ***въ ограниченныхъ или*** **конечныхъ** ***Формахъ*** и создавала ему такимъ образомъ цѣль высокую,

независимую отъ требованій современности. Идеальное пониманіе искусства само-собой приводило къ мысли объ исключительномъ и важномъ значеніи художника, посвятившаго ему жизнь свою. Какъ служитель изящнаго, онъ не принадлежалъ толпѣ, не раздѣлялъ ея стремленій и не признавалъ ея нуждъ. Подъ дѣйствіемъ этой теоріи, имѣвшей на Пушкина сильное вліяніе, написалъ онъ свое стихотвореніе "Чернь", названное имъ въ рукописи "Ямбъ". Заключительные стихи его превосходно выражаютъ сущность всего воззрѣнія:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ —
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, ученіе ставило художника и единственнымъ вѣрнымъ цѣнителемъ своего произведенія. По сущности теоріи, художникъ не нуждался въ сочувствіи окружающихъ, не имѣлъ надобности отдавать отчета въ своихъ сношеніяхъ съ идеаломъ и одинъ зналъ первую причину и настоящую цѣль своихъ произведеній» [Пушкинъ, 1855–1857, т. 1, с. 176–178].

Мы видим здесь концентрированно выраженную идею двусоставного образа, который становится эстетическим фундаментом творчества Достоевского в послекаторжном периоде творчества — и без знания о котором вообще невозможно понять роман «Идиот»[11].

Вообще же я полагаю, что если не *более*, то *прежде* всего при исследовании роли «Пушкина издания Анненкова» в романе «Идиот» необходимо сосредоточиться именно на первом томе, в основном занятом «Материалами для биографии А.С. Пушкина», подготовленными Павлом Васильевичем Анненковым. Том этот едва ли не в первую очередь сделал это издание знаменитым и хорошо раскупаемым (на что, как мы видели, прямо указывает в романе Лебедев). Обращаясь к этому тому, приходится говорить не столько даже о цитатах, связывающих два текста, сколько о постоянных их взаимоотражениях, о некоей пронизанности «Идиота» материалами к биографии Пушкина, собранными издателем его первого *научного* собрания сочинений. В первом томе анненковского Пушкина буквально невозможно прочитать трех страниц, чтобы что-то не

[11] О двусоставном образе Достоевского см., например: [Касаткина, 2015], [Касаткина, 2023].

отозвалось в романе Достоевского. По мере чтения все настойчивей становится и рифма Пушкин — Мышкин (и фамилия героя получает микроскопическую возможность быть прочитанной в таком ракурсе без отсылки к мышам, а как стяжение фразы «Мы — Пушкин»).

Приведу несколько конкретных, выбранных из множества, примеров, и отмечу прежде всего, может быть, самое неожиданное: ощущение современниками молодого (примерно ровесника Мышкину) Пушкина как ***образца и водителя на поприще становления человеком***.

Анненков пишет: «Но одни увлеченія страсти, одни выходки живаго ума, даже одни вспышки поэтическаго генія, не смотря на все ихъ значеніе, еще не могли составить окончательную форму жизни для человѣка, столь надѣленнаго природой, какъ Пушкинъ. Не для того готовился онъ самъ, не того хотѣли почитатели его таланта, безпрестанно требовавшіе отъ него дѣятельности и предрекавшіе ему славную будущность въ отечествѣ. Такіе вызовы сопровождали всѣ молодые его года. Изъ этихъ заботливыхъ напоминовеній, которыя Пушкинъ получалъ со всѣхъ сторонъ, вплоть до 1830 года, самое замѣчательное намъ кажется то, выписку котораго приводимъ здѣсь въ переводѣ. Оно написано было по-Французски и уцѣлѣло въ его бумагахъ. Только къ Пушкину можно было обращаться съ подобными требованіями, только съ Пушкинымъ можно было такъ говорить. Вотъ этотъ отрывокъ: "Когда видишь того, кто долженъ покорять сердца людей, раболѣпствующаго передъ обычаями и привычками толпы, человѣкъ останавливается посреди пути и спрашиваетъ самого себя: почему преграждаетъ мнѣ дорогу тотъ, который впереди меня и которому слѣдовало бы сдѣлаться моимъ вожатаемъ. Подобная мысль приходитъ мнѣ въ голову, когда я думаю объ васъ, а думаю я объ васъ много, даже до усталости. Позвольте же мнѣ итти, сдѣлайте милость. Если некогда вамъ узнавать требованія наши, углубитесь въ самого себя и въ собственной груди почерпните огонь, который несомнѣнно присутствуетъ въ каждой такой душѣ, какъ ваша"» [Пушкинъ, 1855–1857, т. 1, с. 88].

Здесь поражает обращение к Пушкину как к Путеводителю — как ко Христу, и это — если читающий помнит соотвествующий эпизод из собрания сочинений Анненкова — выводит Мышкина из состояния единичности и исключительности его христоподобия. В этом смысле введение в роман анненковского Пушкина подобно введению в роман темы скопцов — если читатель знает хоть что-то

о скопцах. Замечу здесь в скобках, что первый читатель романа был лишен возможности ничего не знать о скопцах, поскольку главки второй части «Идиота», в которых упоминаются скопцы, были напечатаны ***в том именно*** номере «Русского Вестника» [Русский вестник, 1868], в котором первой была опубликована статья П.И. Мельникова «Тайные секты». Введение темы скопцов убирает из восприятия читателя ощущение исключительности не только идеи христоподобия, поскольку нам сообщают, что в скопчестве появляется ***ряд*** живых христов и богородиц; введение темы скопцов убирает из восприятия читателя и ощущение исключительности и невероятности воскресения: хлысты и скопцы не только рассказывали истории о воскресении своих христов, но ***таинственное воскресение*** было ступенью, которую должен был пройти всякий на пути к совершенству[12].

Приведенная же Анненковым цитата из письма — словно перекрестие двух высказываний Аглаи (именно благодаря которой, кстати, в романе впервые звучит имя Пушкина): «— Для чего вы это здесь говорите? — вдруг вскричала Аглая, — для чего вы это им говорите? Им! Им! — Здесь ни одного нет, который бы стоил таких слов! — разразилась Аглая — здесь все, все не стоят вашего мизинца,

[12] Достоевский, прекрасно понимая весь комплекс проблем, связанный с сектами, и прямо говоря о нем, все же указывает на важное: на горячность, не теплохладность восприятия сектантами веры, на их стремление следовать своей вере и ее положениям всерьез и в точности, на глубину и буквализм восприятия (очень нужный ему при создании романа «Идиот») тех ее аспектов, в которых большинство членов государственной церкви все больше начинало видеть «иносказание», «метафору», «преувеличение», полагая, что их не следует воплощать в жизнь: «<…> кто отстал от истинной Церкви и замыслил свою, хотя бы самую благолепную на вид, непременно кончит тем же, чем эти секты. И пусть не морщатся почитатели лорда: ***в философской основе этих самых сект, этих трясучек и хлыстовщины, лежат иногда чрезвычайно глубокие и сильные мысли. По преданию, у Татариновой, в Михайловском замке, около двадцатых годов, вместе с нею и с гостями ее, такими, как, например, один тогдашний министр, вертелись и пророчествовали и крепостные слуги Татариновой: стало быть, была же сила мысли и порыва, если могло создаться такое "неестественное" единение верующих***, а секта Татариновой была, по-видимому, тоже хлыстовщина или одно из бесчисленных ее разветвлений» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 99]. «Эта штунда не имеет никакого будущего, широко не раздвинется, скоро остановится и наверно сольется с которой-нибудь из темных сект народа русского, с какой-нибудь хлыстовщиной — ***этой древнейшей сектой всего, кажется, мира, имеющей бесспорно свой смысл и хранящей его в двух древнейших атрибутах: верчении и пророчестве***. Ведь и тамплиеров судили за верчение и пророчество, и квакеры вертятся и пророчествуют, и пифия в древности вертелась и пророчествовала, и у Татариновой вертелись и пророчествовали, и редстокисты наши, весьма может быть, кончат тем, что будут вертеться, а пророчествуют они, уж кажется, и теперь» [Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 12].

ни ума, ни сердца вашего! Вы честнее всех, благороднее всех, лучше всех, добрее всех, умнее всех! Здесь есть недостойные нагнуться и поднять платок, который вы сейчас уронили... Для чего же вы себя унижаете и ставите ниже всех? Зачем вы всё в себе исковеркали, зачем в вас гордости нет?» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 283]. И: «С вами я хочу всё, всё говорить, даже про самое главное, когда захочу; с своей стороны, и вы не должны ничего скрывать от меня. Я хочу хоть с одним человеком обо всем говорить как с собой. <...> Я положила заняться воспитанием, и я на вас рассчитывала, потому что вы говорили, что любите детей. Можем мы вместе заняться воспитанием, хоть не сейчас, так в будущем? Скажите, вы очень ученый человек? — О, совсем нет. — Это жаль, а я думала... как же я это думала? Вы все-таки меня будете руководить, потому что я вас выбрала» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 356–358].

Ее наивное и смешное (но не безосновательное, поскольку однажды Мышкин согласился с тем, что он философ и имеет мысль поучать) требование руководства от Мышкина удивительно соотносится с требованием путеводительства от Пушкина: на перекрестке текстов возникает мысль, что поэт обязан таким руководством уже в силу дарования ему таланта поэта (в греч. «Поэт» — именование Бога, поскольку буквальное значение слова — «Творец»). И здесь, судя по всему, во взаимодействие двух текстов врывается третий, а именно — вторая глава статьи Дм.Ив. Писарева «Пушкин и Белинский», написанная в 1865 году, в которой критик удивительным образом счел (или сделал вид, что счел) стихотворение «Чернь» прямым ответом Пушкина на это обращенное к нему требование путеводительства — и жестко осудил его за такой ответ[13]. Заметим, что

[13] «Эти биографические подробности составляют очень выразительный комментарий к тому **поэтическому** profession de foi, которое изложил Пушкин в стихотворении “Чернь”. Мы видим теперь довольно ясно, **во имя чего** поэт отвертывается от разумных и реальных требований общества. Углубленный в игрушечные интересы разных Арзамасов, поэт приглашает живых людей “**смело каменеть в разврате**”*;* он замечает совершенно справедливо, что **глас** его **лиры***,* посвященной воспоминанию Зюзюшки и ее хвоста, **не оживит** людей, требующих себе нравственного обновления. Эти люди, дерзающие чего-то требовать, **противны** его **душе, как гробы***,* потому что они своим докучливым ропотом мешают этой арзамасской душе погрузиться безраздельно в глубокомысленное созерцание зюзюшкиного хвоста. Легко себе, представить, каким **гробом** должен был показаться Пушкину один неизвестный **червь земли***,* написавший к **сыну небес** энергическое письмо, из которого г. Анненков приводит следующее замечательные строки: “Когда видишь того, кто должен покорять сердца людей, раболепствующего перед обычаями и привычками толпы, человек останавливается посреди пути и спрашивает самого себя: почему преграждает мне дорогу тот, который впереди меня и которому

Достоевский (как почти всегда) не встает здесь на чью-то сторону: он показывает одновременно всю смешную нелепость обращения к философу, даже «имеющему мысль поучать» и «думающему, что он умнее всех проживет» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 51], как к сугубо практическому учителю — но и законность такого требования со стороны Аглаи (и отчасти — со стороны Писарева, дико исказившего реальные обстоятельства, представленные Анненковым[14]): пришло новое поколение, желающее не лишь послушать «смелые уроки», но прямо и непосредственно начать действовать, пусть не имея никакого представления о той задаче, которую себе ставит (но именно поэтому и ища руководителей). Достоевский в своем романе, подобно своему герою, не избирает правую сторону, но становится на сторону ***каждого*** — по крайней мере, каждого, искренне желающего дела и самоотдачи (а не денег и приобретений).

О том, почему Мышкин, действительно желавший участвовать в воспитании, что мы видели в его швейцарской жизни (и это единственный реальный и успешный опыт, с которым он прибывает в Петербург), оказывается так растерян перед требованиями Аглаи, мы тоже можем вполне отчетливо понять из анненковского Пушкина. Анненков рассказывает о единственном (кроме «Онегина») труде Пушкина, которым он был занят зимой 1826–1827 года, рассуждении «О воспитании юношества» (от него, по словам Анненкова, сохранились лишь несколько черновых бессвязных отрывков), в результате которого «начальство поставило ему на

следовало бы сделаться моим вожатым? Подобная мысль приходит мне в голову, когда я думаю о вас, а думаю я об вас много, даже до усталости. Позвольте же мне итти, сделайте милость. Если некогда вам узнавать требования наши, углубитесь в самого себя и в собственной груди почерпните огонь, который несомненно присутствует в каждой такой душе, как ваша”.

Здоровым и мужественным, не арзамасским и не пушкинским взглядом на жизнь проникнуты эти строки. Тому **гробу**, который просил у Пушкина **позволения итти**, и всем другим, подобным ему, **гробам** любвеобильный поэт великодушно советует обратиться за умственным и нравственным совершенствованием к бичам, к темницам и к топорам:

Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры:
Довольно с вас, рабов безумных!» [Писарев, 1865].

14 Возможно, именно это чудовищное писаревское искажение в сочетании с его безапелляционными требованиями легло в основу эпизода встречи Мышкина с «сыном Павлищева» и поддерживающими его «деловыми, пошедшими дальше нигилистов» молодыми людьми — и в основу опубликованной Келлером статьи.

видъ, что правило, принятое сочинителемъ, будто ***просвѣщеніе и геній*** служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило невѣрное; ибо при семъ упущены изъ виду нравственныя качества и, наконецъ, примѣрное служеніе, усердіе, которыя должно предпочесть просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному» [Пушкинъ, 1855–1857, т. 1, с. 174]. Собственно, примерно такова была претензия в Швейцарии к Мышкину от пастора и учителя, после которой сам Шнейдер обещался следить за тем, чтобы Мышкин перестал влиять на детей. Анненков пишет далее: «Самъ Пушкинъ сознавалъ недостатки своего труда, ***извиняя ихъ малымъ знакомствомъ съ предметомъ, который дотолѣ никогда не занималъ его мыслей***, и прося позволенія заняться чѣмъ либо болѣе ему близкимъ и извѣстнымъ» [Пушкинъ, 1855–1857, т. 1, с. 174–175]. Мышкин, как мы помним, тоже уповал на присущий детству гений (гения, надо было бы сказать, которого дети еще не потеряли способности слышать, поскольку в понимании Пушкина (и Достоевского) гений — это духовный путеводитель, а не свойство личности), уповал и на просвещение, ничего не скрывающее, поскольку знание не может быть безнравственным и бесполезным. Оно становится безнравственным только тогда, когда детям приходится узнавать важнейшие для человека вещи урывками, тайком и неполно, потому что спасительно и прекрасно именно ***полное*** знание, открывающее человека и его поступки в свете любви. Мышкин рассказывает у Епанчиных про свое воспитание детей: «Они стали часто приходить ко мне и всё просили, чтоб я им рассказывал; мне кажется, что я хорошо рассказывал, потому что они очень любили меня слушать. А впоследствии я и учился и читал всё только для того, чтоб им потом рассказать, и все три года потом я им рассказывал. Когда потом все меня обвиняли, — Шнейдер тоже, — ***зачем я с ними говорю как с большими и ничего от них не скрываю***, то я им отвечал, что лгать им стыдно, что они и без того всё знают, как ни таи от них, и узнают, пожалуй, скверно, а от меня не скверно узнают. Стоило только всякому вспомнить, как сам был ребенком. Они не согласны были...» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 61].

В необходимости же скрывать и форматировать реальность, выбирать, чему можно учить, а чему нельзя, — то есть в социализированном обучении, которым хочет заниматься Аглая, Пушкин, как и Мышкин, признал себя полностью некомпетентным.

Замечу, что не только сведения о биографии Пушкина из 1 тома создают мощный объяснительный фон романа. В романном мире зачастую отсылкой к интерпретации пушкинского стихотворения в «Материалах к биографии» оказывается то, что никак не могло бы быть опознано в качестве отсылки к самому стихотворению. Так вряд ли пришло бы кому-то в голову связать демона, привязавшегося к Мышкину, с пушкинским «Демоном» — а вот анненковское истолкование выступает очевидным и значимым посредующим, связующим звеном, заодно позволяющим достаточно ясно увидеть природу демона в романе (природу, о которой в свое время велось немало споров, поскольку демон, буквально истязающий героя, говорит ему при этом ***вроде бы*** правду).

Анненков пишет: «Какъ ни великолѣпенъ еще этотъ ураганъ уязвленнаго сердца въ поэтическомъ своемъ проявленіи, но здѣсь, какъ и всегда у Пушкина, порывы его умѣряются требованіями искусства и выраженіе его столь же изящно, какъ и выраженіе задумчивости и граціозныхъ образовъ въ другихъ произведеніяхъ поэта. *Вообще поэтическое творчество было у Пушкина какъ-будто поправкой волненій жизни.* Оно сглаживало рѣзкія ея проявленія, смягчало и облагороживало все, что было въ нихъ случайно-грубаго, неправильнаго и жесткаго. *По неизмѣнному закону отраженія творческаго произведенія на самомъ художникѣ*, умѣрялся и въ послѣднемъ пылъ увлеченія и замолкали струны, которыя звучали бы безъ того тревожно и несогласно, можетъ быть, еще долгое время. Вотъ почему Пушкинъ могъ выходить изъ всѣхъ порывовъ еще свѣжѣе прежняго и вотъ почему въ теченіе всей его жизни мы не видимъ, чтобы онъ остановился на какомъ-нибудь исключительномъ направленіи и окаменѣлъ въ какомъ-нибудь любимомъ представленіи [Заметим, что здесь, в сопоставлении волнений жизни с гармонией, достигаемой процессом творчества, как бы в ином языке описания воспроизводится состояние Мышкина перед припадком. Кстати, искусственное доведение себя до припадка, сходного с эпилептическим, было характерно для хлыстовских и скопческих радений (во всяком случае, в описании Мельникова) — и это тоже важный для Достоевского контекст: из него, кстати, видно, что припадок приходит как плата за соединение с духом. Но продолжим цитату:]. *Въ Одессѣ, напримѣръ, написалъ онъ своего* **Демона***, — этотъ неопредѣленный образъ существа, произвольно и безъ права старающагося заслонить Божій свѣтъ отъ другихъ*» [Пушкинъ,

1855–1857, т. 1, с. 93–94]. Из такого контекста довольно ясно видно, что, по мысли Достоевского, как платой за возможность видеть полноту света во плоти становится тьма припадка перенапряженной плоти, так платой за воссоединение с затемненной душой крестового брата оказывается демон, *произвольно заслоняющий свет*. Далее у Анненкова о Пушкине и его «Демоне» будет сказано: «Такъ изъ произведенія, относительно-превосходнаго, вышелъ онъ не въ подчиненности къ нему, а напротивъ съ другимъ и болѣе обширнымъ взглядомъ на міръ» [Пушкинъ, 1855–1857, т. 1, с. 94]. Так и демон (открыватель — а на деле — затемнитель, открывающий ***братскую*** душу как ***чужую*** / братскую душу в ее чуждости (и в какой-то момент поддавшийся ему Мышкин и скажет про Рогожина «чужая душа потемки» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 190]) не становится пределом познания и предвидения для Мышкина — князь выходит далеко за его пределы — в последний момент отказавшись верить демону, он оказывается способным ***управить*** чужую душу как братскую (здесь интересно заметить, что ***управить*** чужую душу возможно, только действуя в ***ее***, а не в своих интересах — если бы князь хотел сохранить жизнь себе, а не спасти Рогожина от братоубийства — у него ничего бы не вышло).

За пределами первого тома, впрочем, тоже поджидает немало открытий. Одно из них — это пушкинский претекст (находящийся уже в седьмом томе Анненкова) к изумительным словам Аглаи: «У вас нежности нет: одна правда, стало быть, — несправедливо» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 354], переговоренных Мышкиным так: «Вы сказали про мое сомнение об Ипполите: “Тут одна только правда, а стало быть, и несправедливо”» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 355].

Это очевидная — и я полагаю, что по этой очевидности должная быть кем-то отмеченной, хотя я не нашла предшественников и в комментариях к первому и второму собраниям сочинений Достоевского издания Пушкинского Дома она не присутствует — так вот, это очевидная аллюзия на слова А.С. Пушкина в заметке «Александр Радищев». Пушкин пишет: «Вліяніе его было ничтожно. Всѣ прочли его книгу и забыли ее, не смотря на то, что въ ней есть нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли ни какой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенныя выраженія, и незаконно тиснуты въ станкахъ тайной типографіи, съ примѣсью пошлаго и преступнаго

пустословія. Онѣ принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностію и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ и нѣтъ истины гдѣ нѣтъ любви» [Пушкинъ, 1855–1857, т. 7, с. 58].

Заметим, что и в этом случае Пушкина Достоевский ***сложно интерпретирует*** — он оборачивает его суждение о Радищеве в суждение о суждении о Радищеве — потому что «Мое необходимое объяснение» Ипполита, о котором идет разговор у Аглаи и Мышкина, конечно, прекрасно подпадает под описание Пушкиным книги Радищева, что подчеркнуто реакцией слушателей на эту — не книгу — но «тетрадку» — в книге.

Как эта пронизанность романа Пушкиным, его мимолетными замечаниями, поворачивающими точку нашего восприятия, выглядит на деле, можно увидеть на примере краткой его записи о брате Льве: «боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни и имъ самимъ: другаго воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душею» [Пушкинъ, 1855–1857, т. 1, с. 82–83]. Пушкин здесь подчеркивает неустранимую ответственность каждого за то, что он из себя сделал, проходя через свою жизнь. И становится понятно, для чего князь поставлен лицом к лицу с Антипом Бурдовским (и тем более — с Ипполитом) — и зачем уже после такой постановки начинают раскрываться обстоятельства его жизни (на которые он сам никогда не ссылается: например, розги больному ребенку[15]): ни один из пришедших к князю отстаивать свои права не может сказать, что его обстоятельства были хуже, чем у князя. И это очевидная аллюзия на подозрительное зачатие (с рациональной точки зрения), унизительное рождение и бродячее детство Христа (страшная смерть Которого так ярко описана в романе Ипполитом), перед Которым ни один человек не сможет похвалиться своими дурными обстоятельствами, из-за которых он *не имел возможности* стать человеком.

Упоминаемые Пушкиным в письмах стихи тоже вплетаются в ткань «Идиота». Так оказывается мощно вплетено в глубин-

15 «Иван Петрович тоже, как и все, почти ничего не мог объяснить из причин, по которым Павлищев так заботился о маленьком князе, своем приемыше. “Да и забыл тогда об этом поинтересоваться”, но все-таки оказалось, что у него превосходная память, потому что он даже припомнил, как строга была к маленькому воспитаннику старшая кузина, Марфа Никитишна, “так, что я с ней даже побранился раз из-за вас за систему воспитания, потому что всё розги и розги больному ребенку — ведь это... согласитесь сами...”» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 448].

ный подтекст романа не упомянутое в нем, но упомянутое Пушкиным стихотворение Жуковского, просто необходимое для проявления истинной проблематики романа. Пушкин просит виньетку к собранию своих стихов: «Виньетку бы не худо, даже можно, даже должно, даже ради неба; сдѣлайте именно: **Психея, которая задумалась надъ цвѣткомъ** (кстати: что прелестнѣе строфы Жук.: “Он мнил, что вы с ним однородные” и слѣдующей; конца не люблю» [Пушкинъ, 1855–1857, т. 1, с. 189]. И в примечании Анненков приводит упоминаемое стихотворение: «Въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1825 годъ напечатано было стихотвореніе Жуковскаго: “Мотылекъ и Цвѣты” съ такимъ объясненіемъ: Стихи, написанные въ Альбомъ Н.И.И., на рисунокъ, представляющій бабочку, сидящую на букетѣ изъ pensées [«думки» или анютины глазки — *Т.К.*] и незабудокъ. Въ третьей строфѣ пьесы говорится о мотылькѣ, слетѣвшемъ съ высоты и прельщенномъ цвѣтами:

Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные
Переселенцы съ вышины,
Что вамъ какъ и ему, свободные
И крылья и душа даны....
Въ четвертой строфѣ — ошибка мотылька:
Не рождены вы для вниманья,
Вамъ не понятенъ чувства глазъ и проч.
и приговоръ поэта цвѣтамъ:
Пускай же къ вамъ, рѣзвясь, ласкается
Какъ вы минутной вѣтерокъ:
Иною прелестъю плѣняется
Безсмертья вѣстникъ, мотылекъ...

Предпослѣдній стихъ опять приводится Пушкинымъ немного далѣе» [Пушкинъ, 1855–1857, т. 1, с. 189–190].

И предполагаемая виньетка Пушкина, и стихотворение Жуковского посвящены ***единой форме***, вмещающей ***разную природу***: бессмертную, ту, что сходит с небес, и смертную, ту, что прикована к земле, — и ошибке того, кто сошел с небес и принял прикованное к земле за однородное с собой и соприродное себе.

Приведем эти две строфы, столь очаровавшие Пушкина, без сокращений:

Он мнил, что вы с ним однородные
Переселенцы с вышины,
Что вам, как и ему, свободные
И крылья и душа даны;
Но вы к земле, цветы, прикованы;
Вам на земле и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вам не разогреть.
Не рождены вы для внимания;
Вам непонятен чувства глас;
Стремишься к вам без упования;
Без горя забываешь вас.
Пускай же к вам, резвясь, ласкается,
Как вы, минутный ветерок;
Иною прелестью пленяется
Бессмертья вестник — мотылек...

Здесь на самом поверхностном уровне можно увидеть «ошибку» Мышкина, «переселенца с вышины», принявшего земную Аглаю (сестры Епанчины довольно очевидно описаны при первом появлении как три грации, роскошные природные богини, Аглае же дано и имя одной из граций[16]) за «почти Настасью Филипповну». Но Достоевский, как всегда, значительно усложняет тему: его переселенцы с вышины, носители высшей, сверхприродной природы, устремлены к природным людям (Рогожину и Аглае), как и те устремлены к ним. В человеке, утверждает Достоевский, высшая природа ищет не «однородное», но конформное инородное, потому что именно через соединение двух природ происходит спасение человека и земли: именно соединением двух природ отмечен пришедший на землю Христос.

Скажем в заключение о «Рыцаре бедном»[17] — и о важности и в этом случае контекста конкретного собрания сочинений.

---

[16] См. об этом подробнее соответствующее примечание в: [Достоевский, 2003–2004, т. 4].

[17] О стихотворениях «Чертог сиял, гремели хором…» из «Египетских ночей» и «Рыцаре бедном», одном — упомянутом в ключевом для понимания романа месте, другом полностью приведенном в тексте романа см. мои работы в разделе «Цитата как слово и слово как цитата» [Касаткина, 2004, с. 154–158; 159–174]. Здесь я лишь укажу на дополнительные смыслы, предлагаемые именно собранием сочинений издания Анненкова.

Сергей Александрович Фомичев в статье о «Рыцаре бедном» пишет: «Стихотворение здесь напечатано по тексту второй, сокращенной редакции, **известной в ту пору в качестве романса из неоконченных “Сцен из рыцарских времен”**. Заметим, что с самого начала это дает непростое соотношение драматических ситуаций, воссозданных двумя писателями» [Фомичев, 2007, с. 271] — и далее Фомичев анализирует контекст, предлагаемый «Сценами из рыцарских времен» и интерпретирует сцену в «Идиоте» через этот — в общем, бытовой, контекст.

Но это как максимум не тот, а как минимум — не единственный возможный контекст. Дело в том, что в издании Анненкова ***есть отдельная публикация*** этого стихотворения — в третьем томе — она следует за «Родригом» — и в комментариях после раздела эти две пиесы объединяются как избранные Пушкиным «из многочисленного цикла испанских и провансальских романсов» [Пушкинъ, 1855–1857, т. 3, с. 23]. А «Родриг», включающий в себя прямо описанную сцену *явления запредельного*, актуализирует в «Рыцаре бедном» не контекст исполнения стиха влюбленным любимой / влюбленной любимому (как происходит, если мы читаем его включенным в состав «Сцен из рыцарских времен») — но контекст вторжения высшей природы в повседневное, то есть — не ревность Аглаи, а схождение в повседневность недоступных в ней пространств и времен через посредство вышедших через непереносимые страдания за пределы повседневности героев.

Так, став невыносимым по интенсивности «светом небес» (напомню, что главная характеристика красоты Настасьи Филипповны с самого начала — «ослепляющая») или переживая такой свет во внутреннем опыте (как князь Мышкин перед припадком), герой и героиня вносят в роман «святую розу» — символ многомерной высшей реальности.

Отметим и то, что сама сцена явления запредельного в «Родриге» весьма напоминает сокращенную в этом варианте «Рыцаря бедного» сцену «заступления в небесах» Богоматери за своего отчаявшегося рыцаря, и такое расположение стихотворений может выглядеть прямым на нее намеком, восстанавливающим ее в сознании осведомленного читателя, что делает весьма важным восприятие этого стихотворения именно через указанное в тексте «Идиота» собрание сочинений Пушкина.

Онъ въ уныніи проводитъ
Дни и ночи недвижимъ,
Устремивъ глаза на море,
Поминая старину.
Но отшельникъ, чьи остатки
Онъ усердно схоронилъ,
За него передъ Всевышнимъ
Заступился въ небесахъ.
Въ сновидѣньи благодатномъ
Онъ явился Королю,
Бѣлой ризою одѣянъ
И сіяньемъ окруженъ.
И Король, объятый страхомъ,
Ницъ повергся передъ нимъ,
И вѣщалъ ему Угодникъ:
Встань — и міру вновь явись.
Ты вѣнецъ утратилъ царской;
Но Господь рукѣ твоей
Дастъ побѣду надъ врагами,
А душѣ твоей покой.
Пробудясь, Господню волю
Сердцемъ онъ уразумѣлъ <...>
[Пушкинъ, 1855–1857, т. 3, с. 16–17].

Полагаю, из сказанного более чем очевидна важность и, главное, научная обоснованность не компаративистского изучения литературы (обеспеченного зачастую только тем, что две книги случайно сошлись в голове исследователя) — а аналитического исследования того, в соотношении с какими текстами и, тем более, книгами «во плоти», книгами, участвующими не только отсылками к себе в создании структуры текста, но и своим вещным присутствием в построении сюжета, осознанно и внятно для читателя выстраивает свое произведение автор. И я надеюсь, что мне хоть немного удалось показать, насколько расширяется, углубляется и одновременно проясняется так, как сложно было ожидать, текст романа «Идиот» в своих представляющихся самыми темными местах, если мы обращаемся к тем книгам и авторам, чье присутствие в романе Достоевский счел необходимым — и настойчиво подчеркнул.

Список литературы

1. Аксаков, 1884 — *Аксаков А.Н.* Позитивизмъ в области спиритуализма. По поводу книги А. Дассьэ «О посмертномъ человѣчествѣ». Изданiе редакцiи журнала «Ребусъ». СПб.: Тип. В. Демакова, 1884. URL: https://ru.wikisource.org/wiki-/%D0%9F%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%BC_%D0%B2_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8_%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%80%D0%B8%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%B-B%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B0_(%D0%90%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2)/%D0%94%D0%9E (дата обращения: 08.08.2024).

2. Бем, 2007 — Словарь личных имен у Достоевского / сост. А.Л. Бемом, СВ. Завадским, Р.В. Плетневым и Д.И. Чижевским; под общ. ред. А.Л. Бема // Вокруг Достоевского: в 2 т. М.: Русский путь, 2007. Т. 1: О Достоевском: Сборник статей под редакцией А.Л. Бема / сост., вступ. статья и коммент. М. Магидовой. С. 288–361.

3. Библиотека Ф.М. Достоевского, 2005 — Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / отв. ред. Н.Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2005. 338 с.

4. Боград, 1995 — *Боград Г.Л.* Пушкинская тема и павловские знакомства Достоевского (по роману «Идиот») // Вопросы литературы. 1995. № 5. С. 313–329.

5. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

6. Достоевский, 2003–2004 — *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 9 т. / подгот. текстов, сост., прим., вступит. статья, коммент. Т.А. Касаткиной. М.: Астрель-АСТ, 2003–2004.

7. Достоевский, 2013– — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 35 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Наука, 2013– (изд. продолжается).

8. Карамзин, 1998 — *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 12 т. М.: Наука, 1998. Т. VI / под ред. А.Н. Сахарова. 468 с.

9. Касаткина, 2004 — *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.

10. Касаткина, 2015 — *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.

11. Касаткина, 2022 — *Касаткина Т.А.* «Un chevalier parfait!» О соотношении христианской и гностической философии в творчестве Достоевского // Новый мир. № 4. 2022. С. 159–165.

12. Касаткина, 2023 — *Касаткина Т.А.* «Мы будем — лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского / отв. ред. Т.Г. Магарил-Ильяева. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.

13. Осокин, 2000 — *Осокин Н.А.* История альбигойцев и их времени. М: АСТ, 2000. 896 с.

14. Писарев, 1865 — *Писарев Д.И.* Пушкин и Белинский. Глава вторая. Лирика Пушкина. URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0310-1.shtml (дата обращения: 08.08.2024).

15. Подосокорский, 2024 — *Подосокорский Н.Н.* «История» Н.М. Карамзина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 31–63. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-31-63

16. Пушкинъ, 1855–1857 — Сочиненія Пушкина, съ приложеніемъ матеріаловъ для его біографіи портрета, снимковъ съ его почерка и съ его рисунковъ, и проч. Изданіе П.В. Анненкова: в 7 т. СПб., 1855–1857.

17. Русский вестник, 1868 — Русский вестник, издаваемый М. Катковым. 1868. Т. 75. Май.

18. Семёнова, 2004 — *Семёнова С.Г.* Философ будущего века: Николай Фёдоров. М.: Пашков дом, 2004. 584 с.

19. Смирнова, 2022 — *Смирнова Н.Н.* «Мировая поэма» Н.Ф. Федорова // Философ общего дела: Материалы международных научных чтений памяти Н.Ф. Федорова / ред.-сост. А.Г. Гачева. М.: ГБУК г. Москвы «ЦБС ЮЗАО», 2022. С. 179–185.

20. Смоули, 2008 — *Смоули Р.* Гностики, катары, масоны, или Запретная вера / пер. с англ. Н.М. Забилоцкого. М.: АСТ, 2008. 318, [1] с.

21. Федоров, 1995 — *Федоров Н.Ф.* Музей, его смысл и назначение // *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновой. М.: Прогресс, 1995. Т. 2. С. 370–437.

22. Фомичев, 2007 — *Фомичев С.А.* Рыцарь бедный в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Пушкинская перспектива. М.: Знак, 2007. С. 271–279.

References

1. Aksakov, A.N. *Pozitivizm" v oblasti spiritualizma. Po povodu knigi A. Dass"e "O posmertnom" chelovechestvīe". Izdanie redaktsīi zhurnala "Rebus""* [*Positivism in the Field of Spiritualism. Regarding A. Dassier's Book* On Posthumous Humanity. *Published by the Editorial Board of the Journal* Rebus]. St. Petersburg, Tip. V. Demakova Publ., 1884. Available at: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%BC_%D0%B2_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8_%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%80%D0%B8%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B0_(%D0%90%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2)/%D0%94%D0%9E (Accessed 08 Aug. 2024) (In Russ.)

2. Bem, A.L., editor. "Slovar' lichnykh imen u Dostoevskogo" ["A Dictionary of Proper Names in Dostoevsky's Works"]. *Vokrug Dostoevskogo: v 2 tomakh* [*About Dostoevsky: in 2 vols*], vol. 1: O Dostoevskom: Sbornik statei pod redaktsiei A.L. Bema [About Dostoevsky: Collected Articles edited by A.L. Bem]. Comp., intro., comm. by M. Magidova. Moscow, Russkii put' Publ., 2007, pp. 288–361. (In Russ.)

3. *Biblioteka F.M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [*Fyodor Dostoevsky's Library: An Attempt of Reconstruction. Scientific Description*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)

4. Bograd, G.L. “Pushkinskaia tema i pavlovskie znakomstva Dostoevskogo (po romanu ‘Idiot’)” [“The Theme of Pushkin and Dostoevsky’s Acquaintances in Pavlovsk (on the Example of the Novel *The Idiot*”]. *Voprosy literatury*, no. 5, 1995, pp. 313–329. (In Russ.)

5. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

6. Dostoevskii, F.M. *Sobranie sochinenii: v 9 tomakh* [*Collected Works: in 9 vols*]. Comp., intro., comm. by T.A. Kasatkina. Moscow, Astrel’-AST Publ., 2003–2004. (In Russ.)

7. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 35 tomakh* [*Complete Works and Letters: in 35 vols*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–continuing publication. (In Russ.)

8. Karamzin, N.M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo: v 12 tomakh* [*History of the Russian State: in 12 vols*], vol. 6. Ed. by A.N. Sakharov. Moscow, Nauka Publ., 1998. 468 p. (In Russ.)

9. Kasatkina, T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost’ slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova “realizma v vyschem smysle”* [*On the Poietic Nature the Word. The Ontology of the Word in the Work of F.M. Dostoevsky as the Fundament of “Realism in a Higher Sense”*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)

10. Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom. Dvusostavnyi obraz v proizvedeniiakh F.M. Dostoevskogo* [*The Sacred in the Ordinary: The Two-Folded Image in Dostoevsky’s Works*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)

11. Kasatkina, T.A. “‘Un chevalier parfait!’ O sootnoshenii khristianskoi i gnosticheskoi filosofii v tvorchestve Dostoevskogo” [“‘Un chevalier parfait!’ About the Correlation between Christian and Gnostic Philosophy in Dostoevsky’s Work”]. *Novyi mir*, no. 4, 2022, pp. 159–165. (In Russ.)

12. Kasatkina, T.A. *“My budem — litsa...” Analitiko-sinteticheskoe chtenie proizvedenii Dostoevskogo* [*“We Will Be Faces/Persons...” An Analytical-Synthetic Reading of Dostoevsky’s Works*]. Ed. by T.G. Magari-Il’iaeva. Moscow, IWL RAS Publ., 2023. 432 p. (In Russ.)

13. Osokin, N.A. *Istoriia al’bigoitsev i ikh vremeni* [*History of the Albigensians and Their Time*]. Moscow, AST Publ., 2000. 896 p. (In Russ.)

14. Pisarev, D.I. “Pushkin i Belinskii. Glava vtoraia. Lirika Pushkina” [“Pushkin and Belinsky. Second Chapter. Pushkin’s Poetry”]. Available at: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0310-1.shtml (Accessed 08 Aug. 2024) (In Russ.)

15. Podosokorskii, N.N. “‘Istoriia’ N.M. Karamzina v romane F.M. Dostoevskogo ‘Idiot’” [“Nikolay Karamzin’s *History* in Fyodor Dostoevsky’s Novel *The Idiot*”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (27), 2024, pp. 31–63. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-31-63

16. *Sochineniīa Pushkina, s prilozheniēm” materialov” dlia ego biografīi portreta, snimkov” s” ego pocherka i s” ego risunkov”, i proch”. Izdanie P.V. Annenkova: v 7 tomakh* [*Pushkin’s Works, with the Addition of Materials for His Biography, Portrait, Facsimiles of His Handwriting and Drawings, etc. Edited by P.V. Annenkov: in 7 vols*]. St. Petersburg, 1855–1857. (In Russ.)

17. *Russkii vestnik*, vol. 75. Ed. by M. Katkov. May 1868. (In Russ.)

18. Semenova, S.G. *Filosof budushchego veka: Nikolai Fedorov* [*A Philosopher of the Future: Nikolay Fyodorov*]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2004. 584 p. (In Russ.)

19. Smirnova, N.N. "'Mirovaia poema' N.F. Fedorova" ["*The World Poem* by Nikolay Fedorov"]. Gacheva, A.G., editor. *Filosof obshchego dela: Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh chtenii pamiati N.F. Fedorova* [*Philosophy of the Common Task: Materials from the International Readings in Memory of Nikolay Fedorov*]. Moscow, GBUK g. Moskvy "CBS YuZAO" Publ., 2022, pp. 179–185. (In Russ.)

20. Smoley, Richard. *Gnostiki, katary, masony, ili Zapretnaia vera* [*Forbidden Faith: The Gnostic Legacy from the Gospels to The Da Vinci Code*]. Trans. from English by N.M. Zabilotsky. Moscow, AST Publ., 2008. 318, [1] p. (In Russ.)

21. Fedorov, N.F. "Muzei, ego smysl i naznachenie" ["The Museum, His Meaning and Scope"]. Fedorov, N.F. *Sobranie sochinenii v 4 tomakh* [*Collected Works in 4 vols*], vol. 2. Ed. by A.G. Gacheva and S.G. Semenovaia. Moscow, Progress Publ., 1995, pp. 370–437. (In Russ.)

22. Fomichev, S.A. "Rytsar' bednyi v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["The Poor Knight in Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Pushkinskaia perspektiva* [*Pushkin's Perspective*]. Moscow, Znak Publ., 2007, pp. 271–279. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.08.2024
Одобрена после рецензирования: 23.08.2024
Дата публикации: 25.09.2024

The article was submitted: 18 Aug. 2024
Approved after reviewing: 23 Aug. 2024
Date of publication: 25 Sept. 2024